Д. В. МАЗАРЧУК

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАТУРАЛИЗМА В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ИОАННА СОЛСБЕРИЙСКОГО

Анализируется контекст органической метафоры общества (государства) у Иоанна Солсберийского. Отмечается, что ее появление связывается с распространением в XII в. платонических идей. В применении к социуму платонизм XII в. можно обозначить как «политический натурализм», нашедший выражение в одном из вариантов схемы трехчастного общественного устройства и органической метафоре Иоанна Солсберийского.

Author analyses the context of an organic metaphor of a society (state) in John of Salisbury. Its occurrence explains by the distribution of the Platonic ideas in the 12th century. Applying to society 12th century Platonism it is possible to designate as «political naturalism», found it in one of the variants of a three-orders scheme of society and John of Salisbury's organic metaphor.

Подобно тому как Аристотель прославился своим определением человека, данным в «Политике» («политическое животное»), Иоанн Солсберийский известен метафорой «человеческое общество –

живое тело». Он писал: «Общество… это тело, Божьей милостью одаренное жизнью, которое действует по закону высшей справедливости и управляется тем, что может быть названо сдерживающей силой разума» (Policr. V, 2). Органицизм Солсберийца основан на долгой традиции, в первую очередь на латинском переложении, с комментариями, «Тимея» Платона, выполненном Халкидием (IV в.). Комментируя рассказ об устройстве человеческого тела (Plato. Tim. 69с–90е), Халкидий использовал термины политической жизни civitas для описания различных частей и функций организма (Calcid. Comm. ad Tim. 232, 20–23). Впрочем, он не выдумал полностью идею органического устройства общества, а перенес этот образ из «Государства» того же Платона (Calcid. Comm. ad Tim. 233, 24–25; ср. Plato. Res. 441c–449a).

Использование «латинского Тимея» в качестве отправного пункта для рассуждений помещает Иоанна в контекст традиции так называемой Шартрской философской школы (первая половина XII в.). Зависимость Иоанна Солсберийского от неоплатонизма Шартрской школы особенно хорошо заметна в воспринятой им идее подражания природе. Речь идет об убеждении в возможностях человеческого разума познать основные законы природы (например, у Гийома Коншского – De filos. mundi I, 21). Разум действует как посредник между организмом (природой) и социумом.

Гейнс Пост предложил рассматривать органицизм средневековой политической философии в широком контексте политического натурализма. Он исходил из той посылки, что «в Средние века интеллектуалы почти единодушно рассматривали Бога в качестве создателя всего во Вселенной и полагали, что вселенский порядок держится силами природы и естественного права как орудий Бога, а сей порядок включает усилия людей по организации своих сообществ в государства»[1]. Несмотря на доминировавшую в раннем христианстве идею греховной природы всех социальных явлений, уже у Отцов церкви встречались натуралистические идеи, примирявшие политические институты с божественным планом мира. Для Августина то, что человек есть образ Божий, наделенный разумом, означало, что он тем самым участвует в выполнении естественного закона. Справедливость, поддерживаемая властями, опирается на естественный закон и разум[2]. Политическое сообщество в какой-то степени является естественным образованием, поскольку проистекает из Божьей заповеди любить друг друга (Aug. De civ. XII, 27).

Согласно органической концепции Иоанна Солсберийского, все элементы социума соотносятся между собой подобно членам одного тела. Каждый из них выполняет определенные функции, тем самым осуществляя предначертание божественного вечного закона. Иоанн достаточно детально описывает строение общественного тела. Во главе (и подобно голове тела) стоит монарх, подвластный лишь Богу и представляющий Его на земле. Королевский совет занимает место сердца, а судьи и губернаторы провинций – глаз, ушей и языка. Придворные при правителе сравниваются с грудной клеткой, окружающей сердце. Далее, исполнительные чиновники формируют невооруженную руку государства, а армия – вооруженную. Финансовая администрация составляет часть желудка и кишечника, «которые, будучи перегружены вследствие чрезмерной жадности и оставляя слишком много накопленного в них, порождают бессчетные и неизлечимые болезни, так что из-за их недомогания подвергается угрозе разрушения все тело». Наконец, основа социума – крестьяне и рабочий люд – формируют его ноги. Их значение весьма велико: «Если самое могучее тело лишить опоры ног, оно не будет в состоянии само двигаться вперед, но будет… ползти на руках». Но, как человеческое тело подчинено душе, политическое тело (corpus principatum) также подчиняется духовенству, составляющему его душу (Policr. V, 2).

Органическое понимание социума предполагает, что все части и разряды политического организма находятся между собой в функциональном взаимодействии. Каждый membrum выполняет установленные ему обязанности, играя тем самым особую специфическую роль в рамках целого организма. В результате социум пронизывает не только иерархия, но и функциональная зависимость, взаимное соподчинение всех его составляющих, когда «каждый и все вместе связаны друг с другом родом взаимности и каждый рассматривает собственный интерес с точки зрения его лучшего соответствия выгодам для всех» (Policr. VI, 20). При этом подчеркивалось, что даже сильнейшее тело нуждается в ногах-опоре, роль коих выполняют многочисленные трудящиеся («так, что ног этих не восемь, как у краба, даже не как у сороконожки, а много больше»; Policr. VI, 20). В данной идее нередко видят главное отличие картины, нарисованной Иоанном, от других концепций корпоративизма, распространенных в Высокое Средневековье[3].

Попытаемся сравнить социальный органицизм Солсберийца со схемой трех ordines (oratores – bellatores – laboratores), составляющих «дом Божий», которая идет от епископов XI в. Адальберона Ланского и Герарда Камбрейского. Прежде всего следует отметить внешнее сходство обоих построений. Их объединяет ведущий принцип общественных связей – функциональный. Адальберон

Ланский писал: «Дом Божий – троякий, вера едина. Одни молятся, другие воюют, третьи работают, а вместе их – три, и разъединения не переносят» (Adalber. Carm. ad Rotbert. II, 298–299). Для приверженцев такого понимания порядок прямо связан с выполнением людьми своих обязанностей (officium).

Согласно Ж. Дюби, возрождение в XI в. схемы трех ordines связано с общим подъемом в Западной Европе и отражает радикальный сдвиг в построении средневекового общества – «феодальную революцию». Этот сдвиг сопровождался, в частности, «рождением рыцарства», которое идеологи сильной центральной власти пытались поставить под контроль. Ж. Ле Гофф также связал утверждение трехчастной схемы с идеологией сильной монархии, которая в XI–XII вв. получает новую опору в лице экономически развитого класса (прежде всего – купцов). Оказывая покровительство всем трем ordines, поддерживая между ними должное равновесие, король тем самым соединяет в своих руках руководство как светской, так и духовной властями[4].

Герард и Адальберон тяготели к идеалам прошлого – каролингскому правопорядку, сметенному в XI в. явлениями «феодальной революции». Предлагаемая ими схема была призвана поддержать рушившийся социальный порядок, хранителем которого объявлялась ослабленная королевская власть. Идейно эта схема была направлена «против всего, что было в ту эпоху самого свежего и молодого в общественном устройстве»[5]. Однако парадоксальным образом в то же время она отражала новые явления социальной жизни – возвышение рыцарства и установление сеньориального порядка, во-первых, укрепление городских предпринимательских слоев – во-вторых. И хотя взгляды двух епископов фактически устремлялись в прошлое, выделение особой социальной ниши для экономического класса имело далеко идущие последствия. Картина, нарисованная в «Поликратике», намного сложнее и отражает новые, относительно Герарда и Адальберона, подходы к конструированию социального мира.

Прежде всего Герард и Адальберон не были единственными идеологами трехчастного функционального устройства общества в свое время. Помимо раскрытой Дюби преемственности идеи трехчастного деления социума от англосаксонских авторов к северофранцузским епископам XI в. и далее, существовал другой ее вариант, источниками которого были «Государство» и «Тимей» Платона. Ив Конгар счел весьма маловероятной возможность влияния Платона на схему трех ordines[6]. Согласимся с ним. Однако в XII в. благодаря пробудившемуся интересу к комментированному латинскому переводу «Тимея» распространяется *другая* трехчастная модель общественного устройства, особенно популярная среди неоплатоников Шартрской школы[7]. Отличительной чертой этой другой, альтернативной схемы трехчастного общественного устройства является связь с представлением об органическом устройстве социума, т. е. эта модель вписывается в контекст политического натурализма.

Основной материал для размышлений о трехчастной природе общества средневековым гуманистам давал комментарий места 17c в «Тимее». Впрочем, истоки этого представления следует искать в диалоге «Государство» (на что указывал сам Халкидий: Calcid. Comm. ad Tim. 233, 24–25). Имеется в виду Платоново выделение трех функциональных классов (Plat. Res. 412a–417b) в соответствии с тремя началами человеческой души (Plat. Res. 436a, 580d–581e). В указанном месте «Тимея» это деление приводится косвенно, в напоминании Сократа своим собеседникам о предмете предыдущей беседы (философы, стражи, «землепашцы и прочие ремесленники»). В комментарии Халкидия схема социума выглядит следующим образом: principales/sapientes – militares – sellularii et uulgares[8].

После Герарда Камбрейского и Адальберона Ланского идея сильной монархической власти, поддерживающей равновесие между функциональными сословиями общества, была или вовсе забыта или сохранилась в виде формальной трехчастной схемы (как в Vita Dagoberti XII в.)[9]. Факторами, повлиявшими на вытеснение трехфункциональной модели общества возрожденными бинарными схемами (духовное/мирское), были притязания римских пап на политическое верховенство, пробудившиеся с Григорианской церковной реформой. В результате в Декрете Грациана приводится деление «христиан» на «два рода» – «предназначенных к служению божественному» и мирян, которым «назначено возделывать землю и брать женщин» (c. 7, C. XII, q. 1). По предположению П. Э. Даттона, в начале XII в. модель трех ordines переживала кризис, и введение в контекст западной учености «латинского Тимея» оживило представления о трехчастном устройстве общества[10]. Одним из тех, кто использовал текст Платона – Халкидия для построения собственной социальной философии, был Иоанн Солсберийский.

Органицизм Иоанна покоился на убеждении в существовании мирового божественного порядка, вечного закона. Функциональные связи между элементами общества определены изначально, сообразно вселенскому плану. Любой член общества должен осознавать свою причастность к этому плану и соответственно соблюдать свои обязанности, заданные его местом в нем. Отношения между частями общественного организма устойчивы и неизменны. Они основываются на предзаданном

образце, вечном и постоянном. У Солсберийца это божественный закон, выражающий справедливость (aequitas).

Кроме теологического довода, выводимого из следования божественному плану, Иоанн Солсберийский использовал понятие общего блага, осознаваемого всеми членами общества-организма: «До тех пор пока обязанности каждого человека исполняются с целью содействия интересам целого, до тех пор пока поддерживается справедливость, сладость меда разливается по всей целостности» (Policr. VI, 22). Иоанн часто возвращался к этой мысли, говоря, что «все являются членами один другого» (Policr. IV, 1). Здесь мы сталкиваемся с идеей взаимной зависимости членов социума. В этом контексте концепция социальных обязанностей видится уже не только в ограниченном богословском смысле. Главная обязанность индивида коренится в принципе всеобщей сопряженности в обществе, когда происходит «приведение различных действий в гармонию через распределение их между разными людьми, коим каждое из них лучше соответствует» (Policr. V, 4).

Как именно идеи «латинского Платона» Халкидия, разноплановые по своему содержанию, повлияли на Иоанновы представления о строе общества? П. Даттон выделил у Солсберийца две модели государственности – «model of the ancient city-state» и «organic model of state». По его мнению, Иоанн, не исключая для себя первой из них, «отодвинул ее в сторону в интересах той модели государства (органической. – *Д. М.*), которую он считал более новой и более актуальной»[11]. Позволим себе отвергнуть это предположение. Нам представляется, что обе идеи у Иоанна включены в общий контекст политического натурализма, о котором писал Г. Пост. Образ социума-организма вполне сочетается с идущей от Платона социальной (полисной, по П. Даттону) иерархией.

Для Халкидия, как и для Иоанна Солсберийского в XII в., органицизм был не просто красивой метафорой, но имел значение обоснования. У Халкидия это «illustre civitatis et populi exemplum». Таким образом, «статическая, иерархическая и элитистская концепция государственности обосновывается ссылкой на естество человеческого тела»[12]. Образцом для обеих схем – тела и социума – является Вселенная (третья схема). Подобную иерархию порядков мы видим и у Иоанна. Впрочем, связь мира социального с миром природным раскрывается у него в двух плоскостях.

С одной стороны, Солсбериец рассматривал человека как общественное и политическое существо; стремление к социальной организации заложено в него самой природой. Таким образом, природа прямо ответственна за организацию социума и власти. Общество является «уникальным и единственным братством», объединением сынов природы. Соединение людей в социум прямо вытекает из их естества, которое требует от них любви к patria (Policr. IV, 3, 11; VIII, 5). В равной степени это относится к простым гражданам и к правителям. Наконец, что полезно обществу, то соответствует естественному праву (Met. II, prooem.), поэтому любой, кто попытается разорвать то, что Бог соединил вместе ради общей пользы, является врагом всего общества (Policr. VI, 24).

Но, признавая природу прямым источником социального начала в человеке, Иоанн, следуя натурфилософии Шартрской школы, развивал другую мысль – идею ars naturam imitans. Природа, давшая человеку разум, тем самым поставила его выше всех прочих живых существ; естественные возможности усиливаются способностями разума (Met. I, 1). Более того, это необходимо. Природа должна подкрепляться человеческими усилиями – usus, exercitium et studium, – без которых она мало что может дать (Met. I, 18). Таким образом, правильным использованием того, что дано природой, является деятельность (ars). Природа, подкрепляемая помощью разума, есть «родитель любого занятия» (Met. I, 11). Но из этого не следует, что человеческая деятельность – точное отражение природы, она – всего лишь ее подражание (Met. I, 14).

Итак, человек есть opifex или artifex, подражающий природе в любой своей деятельности, в том числе и в управлении державой. Оберегая других членов общественного организма, правитель и его советники прямо имитируют природу (Policr. V, 9). Иоанн писал, что Цицерон и Платон оба соглашались, что «гражданская жизнь подражает природе». Это практически уникальное свойство, отличающее людей от остальной части живого мира. Из всех живых существ, исключая человека, писал Солсбериец, следуя «Георгикам» Вергилия, только пчелы в организации своей жизни и в преданности своей patria подражают природе. Но человек стоит намного выше пчел (Policr. VI, 21; ср. Vergil. Georg. IV, 153–218).

Таким образом, Иоанн Солсберийский обосновал активность общественной жизни, являющуюся, согласно ему, следствием дара Божьего – разума. Из принципа политического натурализма следует, что Божий дар разумного начала в человеке дает жизнь общественному организму, res publica (Policr. V, 1–2). Это позволяет согласиться с отождествлением естественного разума с «государственным интересом», концепцию которого, вероятно, первым после позднеантичных авторов разрабатывал Иоанн[13].

[1] Post G. Studies in Medieval Legal Thought. Public Law and the State, 1100–1322. Princeton, 1964. P. 496.

[2] См.: Chroust A. H. The Philosophy of Law of St. Augustine // Philosophical Review. 1944. Vol. 53. P. 195–202.

[3] См.: Constable G. The Orders of Society // Constable G. Three Studies in Medieval Religious and Social Thought. Cambridge, 1995. P. 326; Struve T. The Importance of the Organism in the Political Theory of John of Salisbury // The World of John of Salisbury / Ed. by M. Wilks. 2nd ed. Oxford, 1994. P. 310.

[4] См.: Дюби Ж. Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе. М., 2000. С. 119, 140–150; Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999. С. 277; Ле Гофф Ж. Замечание о трехчленном обществе, монархической идеологии и экономическом пробуждении в христианстве IX–XII веков // Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 58–62.

[5] Дюби Ж. Указ. соч. С. 152.

[6] См.: Congar Y. Les laics et l'ecclesiologie des ordines chez les théologiens des XIe et XIIe siècles // I laici nella societas christiana dei secoli XI et XII. Milano, 1968. P. 90.

[7] См.: Dutton P. E. *Illustre Civitatis et Populi Exemplum*: Plato's *Timaeus* and the Transmission from Calcidius to the End of the Twelfth Century of a Tripartite Scheme of Society // Mediaeval Studies. 1983. Vol. 45. P. 80, 86–87.

[8] См.: Struve T. Die Entwicklung der organologischen staatsauffasung im Mittelalter. Stuttgart, 1978. S. 67–71; Dutton P. E. Illustre Civitatis et Populi Exemplum: Plato's Timaeus and the Transmission from Calcidius to the End of the Twelfth Century of a Tripartite Scheme of Society // Mediaeval Studies. 1983. Vol. 45. P. 85, 100.

[9] См.: Brown E. A. R. Georges Duby and the Three Orders // Viator. 1986. Vol. 17. P. 57; Дюби Ж. Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе. М., 2000. С. 160–161.

[10] См.: Dutton P. E. Op. cit. P. 88–89.

[11] Ibid. P. 111.

[12] Ibid. P. 85.

[13] См.: Post G. Studies in Medieval Legal Thought. Public Law and the State, 1100–1322. Princeton, 1964. P. 261, 291, 515, note 42.

Поступила в редакцию 07.11.11.

Дмитрий Валерьевич Мазарчук – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь.